

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

НА ВЕЛИКОМ МОРСКОМ ПУТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» · 1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
МОСКВА
1985

РИСУНКИ Н. ЧАРУШИНА

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

НА ВЕЛИКОМ
МОРСКОМ
ПУТИ

Дорогие ребята!

Великий морской путь не выдумка, он существует. Но движутся по нему не корабли, не пароходы, а птицы...

Каждую весну и осень тысячи перелётных птиц летят этим путём осенью на юг, весной на север. И тогда днём и ночью слышны в небе их особые «перелётные» голоса.

Вот об этом птичьем морском пути и рассказал нам в своей повести замечательный писатель Виталий Бианки.

Повесть он написал давно, в 1923 году. Но морской птичий путь действует и сейчас. И сейчас каждую весну и осень летят этим путём птицы: кулики, чайки, утки, гуси, лебеди... А с ними и герои книжки — белолобые гуси, которых раньше называли казарками. И всё так же сопровождают стаи птиц быстрокрылые соколы.

Но теперь уже многие птицы несут на лапках алюминиевое колечко с номером, потому что изучением перелётных путей сейчас занимаются не любители-одиночки, а целые научные учреждения. Учёные хотят знать, кто, куда и когда летит, кто где зимует, кто где выводит птенцов. Охотники теперь не стреляют птиц на перелётах, когда им вздумается; для охоты определены строгие сроки.

Многих птиц, ставших редкими, вообще запрещено стрелять — лебедей, соколов, например. Ограничена охота на гусей.

Всё это сделано для того, чтобы навсегда сохранить морской птичий путь. Чтобы каждую весну и каждую осень шумели над нами птичьи крылья, а в небе звучали «перелётные» голоса птиц.

Н. Сладков

„Уважаемый гражданин председатель!

Сегодня, 17 апреля 19... года, я отпускаю на волю дикого гуся из породы белолобых казарок.

Птицу эту я случайно купил осенью прошлого года в Ленинграде на улице. Её нёс продовать на рынок охотник. Он рассказал, что поймал казарку за несколько дней перед тем у берега Финского залива, где-то за городом Ораниенбаумом¹. Птица запуталась лапами в рыболовной сети.

Зиму казарка прожила у меня на дворе в городе Витебске. Скоро она стала очень ручной. Позволяла даже гладить себя по спине моему сыну, когда он приносил ей пищу. Весной, однако, она стала дичать. По тому, как она натягивала и щипала привязывавшую её верёвку и била крыльями по воздуху, легко было догадаться, что её потянуло на волю. Мы с сыном решили отпустить её. Но мы так привязались к своей дикой пленнице, что нам было бы жалко расстаться с ней без всякой надежды когда-нибудь снова услышать о ней. Я достал нумерованное алюминиевое кольцо выпуска Московского орнитологического комитета серии «С» № 109. Его мы наденем на ногу птицы.

Если кто-нибудь снова поймает нашу казарку, заметит у неё на лапе кольцо и напишет об этом в Орнитологический комитет, не откажите сообщить мне в Витебск, куда она залетела и при каких обстоятельствах была поймана».

Человек, написавший это письмо, приписал внизу свой адрес, подписался и вложил письмо в конверт с адресом Московского орнитологического комитета.

Затем он встал из-за стола и подошёл к двери.

— Мишка! — позвал он сына. — Пойдём выпускать казарку.

¹ Теперь город Ломоносов.

Глава первая

Сидя у конуры, казарка яростно теребила клювом привязанную к её ноге верёвку. Но, заметив приближающихся людей, она сейчас же оставила это занятие, вся выпрямилась и высоко подняла голову. Теперь она казалась ростом с домашнего гуся, хотя на самом деле была значительно меньше. С первого взгляда в ней легко было узнать дикую птицу. Перья на всём её теле лежали как-то особенно гладко и красиво, как они никогда не лежат у домашних птиц. Фигура у неё была статная, крепкая, грудь выпуклая, шея упругая. Её короткие, широко расставленные ноги твёрдо упирались в землю. На лбу сияло полумесяцем чисто-белое пятно.

Когда отец с сыном подошли к ней, она с криком рванулась от них. Верёвка натянулась и дёрнула её назад. Казарка с размаху ткнулась головой в землю.

Этим воспользовался Мишин отец. Он крепко схватил птицу сзади за крылья и поднял её на воздух.

— Развязывай верёвку,— сказал он Мише.

Пока Миша возился с туго затянутым узлом, казарка всеми силами старалась вырваться. Взрослый человек едва мог удержать её.

— Ну, Мишка,— сказал отец, когда, наконец, верёвка упала на землю,— теперь простись с казаркой и пожелай ей счастливого пути!

Миша хотел погладить птицу. Протянул было руку, но сейчас же её отдёрнул: казарка грозно на него зашипела. Ему совсем не хотелось, чтобы она ударила его клювом. Он уже раз испытал, как это приятно: две недели у него на ноге не сходил синяк.

— Что, брат, не очень-то? — улыбнулся отец.— Ничего, я придержу её за шею. А ты достань у меня из правого кармана колечко и плоскогубцы.

Миша подал.

— Ну-с,— продолжал отец,— разомкни кольцо и на-

день его казарке на лапу. Сделал? Хорошенько сожми его концы щипцами. Так. Теперь если она попадётся кому-нибудь в руки, так мы с тобой ещё о ней услышим.

— Держи карман...— с сомнением пробормотал Миша.

— А? Что ты говоришь? Видишь на кольце адрес и номер? Если кто-нибудь поймает нашу казарку, он должен сообщить номер её кольца по этому адресу в Орнитологический комитет. А я, в свою очередь, написал в комитет, чтобы оттуда сообщили нам, где будет поймана казарка. Понятно?

— Понятно-то оно понятно,— бурчал Миша,— да не очень верно, что она ещё раз кому-нибудь попадётся.

— Как знать! Ну-с, а теперь я её выпускаю,— сказал отец.— У меня уже руки устали держать её.

Он подбросил птицу в воздух.

Казарка взмахнула крыльями и полетела низко над землёй. Но вдруг, почувствовав, что ничто уже больше не привязывает её к земле, она рванулась вверх, перелетела через забор и поднялась над крышей.

«Гонк! Гонк!»— раздался вверху её радостный крик.

Через минуту она казалась уж маленькой мушкой. Отец и сын глядели ей вслед.

Когда она совсем скрылась из виду, отец послал Мишу опустить в почтовый ящик письмо председателю Орнитологического комитета.

Глава вторая

Казарка летела высоко над землёй. В вышине гудел ветер. Кругом, насколько глаз хватало, никого не было видно. Вверху быстро и бесшумно плыли ей навстречу белые облака.

Земля внизу казалась чёрной. Лишь в ложбинах кое-где ещё лежал снег. Там, внизу, медленно-медленно исчезая под ногами, подвигались назад поля, леса, деревни, реки. Над ними большая стая чёрных птиц, махая крыльями, казалось, неподвижно застыла в воздухе. Время от времени то одна, то другая из птиц, сложив крылья, внезапно проваливалась вниз. Но вдруг, над самой землёй задержав стремительное падение, торопливо поднималась назад в стаю.

Это летели грачи. Понемногу и они, отстав, исчезли из виду. Казарка неслась всё вперёд. Прошло уже несколько часов с тех пор, как она почувствовала себя свободной. Она спешила теперь разыскать других казарок, чтобы вместе с ними совершить длинный и опасный путь на родину. Но до сих пор она никого не встретила в вышине.

Вот если б ей добратся до того места, где полгода назад поймал её охотник! Она хорошо помнила это место. Там было море. Там пролегал Великий морской путь. По нему стая за стаяй вереницей тянулись казарки, гуси, лебеди, утки, кулики и другие морские и прибрежные птицы. На Великом пути она рассталась с родной стаяй и со своим неразлучным другом — гусем-казанком. Скоро, может быть, она снова найдёт его.

Охотник увёз её оттуда в тёмном мешке; она не могла запомнить дорогу. Но безотчётное чувство, знакомое одним птицам, безошибочно указывало ей верный путь.

Долгий и быстрый полёт не утомил казарку: птицы не знают одышки. Каждый взмах крыльев наполнял

воздухом её лёгкие и через них — воздушные мешки во всём её теле, даже в пустых костях.

Те же мускулы, что двигали её крыльями, то растягивали, то сжимали эти мешки. Воздух свободно входил и выходил из них. И дыхание казарки оставалось таким же ровным, как если б она спокойно сидела на месте.

Заставить её опуститься на землю мог только голод.

Ей уже хотелось есть. Всё тело начинала охватывать неприятная слабость, всё труднее становилось двигать крыльями. Казарка стала понемногу опускаться, выискивая удобное место для кормёжки.

Опасно кормиться в одиночестве. Пока будешь ны-

рять за кормом под воду или разыскивать его на земле, и не заметишь, как подкрадётся враг. Казарка оглядывала землю: нет ли где таких птиц, к которым можно бы присоединиться хоть на время кормёжки?

Под собой она видела поля, рощи, перелески. Иногда снизу поднимались крошечные жаворонки, и песни их звенели в воздухе. То тут, то там казарка стала замечать маленькие фигурки людей, коров, лошадей, словно ползающих по земле.

Стараясь держаться в стороне от них, казарка полетела над самыми макушками деревьев. Только теперь она заметила, что по всему лесу непрерывным строем передвигались мелкие лесные птицы. Безостановочно перескакивая с ветки на ветку, перепархивая с дерева на дерево, они стайками двигались всё вперёд, с писком, свистом, щебетаньем и песнями. Их было особенно много по опушкам леса. Тут звонко пинькали разноцветные зяблики, поблёскивали оранжевым и белым крылышки тревожно жужжащих вьюрков, громко трещали серые дрозды.

Время от времени стайки слетали с ветвей и горохом рассыпались по земле. Птицы весело прыгали, быстро поклёвывая корм. Но вдруг, словно по какому-то невидимому знаку, одна за другой опять взлетали на деревья и продолжали свой путь по ветвям.

Казарка радовалась этим маленьким спутникам. Но голод, голод заставлял её думать о другом. Надо было поскорее найти место, где можно будет безопасно и сытно покормиться.

Наконец далеко впереди на чёрной земле блеснула узкая полоска воды. Она стала быстро расти, расти, и скоро казарка увидела пред собою широкую, полноводную реку. Река так разлилась, что чёрные, не покрытые ещё листьями кусты её низкого берега торчали прямо из воды. Казарка заметила плавающих между кустами птиц.

Сердце заколотилось у неё в груди: вдруг это свои? Она звонко крикнула призывным голосом:

«Гонк! Гонк! Гонк!»

«Ваак! Ваак! Ваак!»—ответили ей с реки.

Нет, это не казарки... Это крякали утки.

Но одинокая, усталая, голодная казарка была рада и этой встрече. Ведь кряковые утки приходятся ей дальними родственницами. Они едят ту же пищу, что и она. Она даже немного понимала их язык.

Казарка замедлила полёт, сделала один, два, три всё уменьшающихся круга в воздухе. Потом, шумно разбрызгивая воду, тяжело опустилась рядом с утками. Вся стая их сейчас же сплылась, окружила казарку. Поднялось громкое кряканье: видно, утки были рады гостю.

Через минуту казарка уже добывала себе пищу среди их стаи.

Она быстро перекувырнулась головой вниз. Её оранжево-жёлтые лапы замелькали у самой поверхности воды. Нахватав полный клюв травы и мелкой водяной живности, казарка вынырнула, процедила воду сквозь частые боковые пластинки клюва и проглотила мягкую пищу. Кругом, поблёскивая фиолетово-синими зеркальцами на крыльях, точно так же кувыркались утки.

Над рекой мелькали хвосты и головы птиц. Но каждый раз, лишь только одна из них выныривала, она тотчас же высоко поднимала голову и зорко озиралась. Ни один враг не мог приблизиться к стае незамеченным: пока одни птицы окунаются, другие, вынырнув, сторожат. Достаточно одного предостерегающего крика, чтобы вся стая насторожилась и, в случае надобности, в ту же минуту обратилась в бегство.

Но и в этот раз, как всегда бывает, беда стряслась неожиданно. Едва одна из уток заметила мелькнувшие над кустами крылья большого сокола, как он уже был

над ней. Отчаянный крик крякуши в одно мгновение всполошил всю стаю.

Нападение было так быстро, что птицы не успели сообразить, откуда им грозит опасность. Все сразу бросились врассыпную. Казарка забилась под куст. Утки нырнули под воду, а одна из них поднялась на воздух.

Только этого и надо было соколу. Вихрем пронёсся он над кустом и ударил утку. В воздухе закружился пух и, качаясь, стал медленно опускаться на воду.

А сокол был уже далеко с мёртвой добычей в когтях. Сквозь куст казарка видела, как на другом берегу широкой реки он уселся на обрыв и принялся ощипывать и потрошить птицу.

Казарка оглянулась. Уток нигде не было видно. С перепугу они забились под кусты и не решались вылезть из-под их защиты.

Сокол между тем кончил обед, тщательно отёр клюв о землю и пригладил им перья у себя на груди и крыльях. Затем поджал одну ногу и перестал двигаться. Только голова его с хищным, крючковатым клювом по временам медленно поворачивалась из стороны в сторону и большие блестящие глаза спокойно и величаво поглядывали вокруг.

Это был крупный перелётный сокол сапсан, один из самых смелых пернатых хищников.

Ростом он был меньше казарки, но она чувствовала непреодолимый ужас при одном взгляде на него.

И это была не трусость. Хотя сапсан величиной всего с ворону, но в воздухе от него нет спасенья даже таким большим и сильным птицам, как цапли и гуси.

На земле и на воде сапсан не трогает птиц. Только молодые, неопытные сокола, бывает, бьют добычу слишком низко над землёй. Если им случится промахнуться, они насмерть разбиваются грудью о землю. Взрослый сапсан нападает на птиц из засады и, испугнув, бьёт сверху почти без промаха.

Счастье казарки, что в переполохе она не поднялась на воздух. Сокол сразу различил бы её среди уток, и тогда ей не миновать бы острых когтей.

Теперь сапсан был сыт. Любая птица смело могла приблизиться к нему, и он бы её не тронул. Только голод заставляет сапсана убивать.

Одна за другой, утки, осмелев, стали выплывать из своих убежищ. Сапсан их видел, но не шевельнулся. Его крепкое тело с широкой грудью словно приросло к камню. Когда он не двигался, его почти невозможно было отличить от окружающих камней и комьев земли. Под цвет их удивительно подходила его аспидно-бурая

спина, чёрные перья крыльев и серо-полосатая грудь, брюхо и хвост. Только белое горло выделялось на бурой земле, как светлый камешек.

Когда все утки сгрудились в стаю, они сразу, как по сигналу, снялись с воды и, стремительно забирая вверх, с шумом промчались над головой сапсана.

Склонив голову набок, сапсан спокойно поглядел им вслед.

Уже несколько дней он летит за стаей, выхватывая из неё то одну, то другую птицу себе на обед. Он, как и утки, пробирается теперь на север, к себе на родину. Когда он сыт, он пропускает стаю вперёд. Но лишь только голод напомнит ему, что желудок его пуст, сапсан быстро догоняет утиную стаю. Так никогда он не останется без пищи в пути.

И сейчас он спокойно смотрит вслед улетающей стае, стараясь запомнить направление её полёта.

Вдруг в глазах его блеснул хищный огонёк. Он сразу весь вытянулся и насторожился. Среди уток он увидел казарку. Это была ценная дичь.

В эту минуту ничего не подозревавшая казарка нажила себе неумолимого, безжалостного преследователя, от которого не могли её спасти ни быстрые крылья, ни крепкий клюв.

Глава третья

Настала тёплая прозрачная ночь. Таял снег. В бледном небе чуть заметно мерцали редкие звёзды. Внизу, в деревне, один за другим гасли мутные красные огоньки.

Было тихо кругом. Из темноты доносился только лёгкий звон неведомо куда бегущих ручейков.

Вот послышался в вышине приближающийся свист крыльев невидимой утиной стаи. Над самой деревней прозвучал с неба звонкий трубный гогот казарки.

Во дворе на окраине деревни всполошились домашние гуси. Громко захлопали крыльями и закричали пронзительно и тоскливо. В лёгком сумраке ночи им померещилась неясная тень пролетающей вдаль стаи. Через несколько времени та же неуловимая тень скользнула над другой деревней, потом над третьей. И всюду трубный голос казарки будил и волновал деревенских гусей.

Давно забывшие волю домашние птицы в смутном порыве били крыльями по воздуху.

Но отвыкшие от полёта, ненужные им теперь крылья не поднимали их с земли, не могли помочь вырваться из неволи. И долго в ночной тишине не умолкал их крик, полный бессильного отчаяния.

А казарка, счастливая своей свободой, быстрыми, уверенными взмахами уносилась всё дальше и дальше. Она неслась навстречу опасностям, может быть, даже смерти. Но впереди ждало её море, Великий морской путь и на нём — шумные стаи подоблачных странников и встреча с покинутым другом.

К концу ночи утиная стая опустилась на залитое талой водой лесное болото.

Тут было темно и тихо. Ветер сюда не проникал. Гладкая чёрная вода блестела, отражая светлеющее небо. Тесным кругом обступили болото мрачные ели. Их широкие ветви шатром нависли над самой водой.

Темнота птиц не пугала: в ночном мраке они различали все окружающие их предметы. Пока всё оставалось неподвижным, птицы могли быть спокойны. От их глаз не ускользала ни одна тень. Враги не могли подкрасться к ним незамеченными.

В лесу была мёртвая тишина. Лишь изредка напряжённый слух птиц улавливал мягкий шорох где-то в глубине тёмной чащи. Сейчас же одна из уток тихонько крякала, и вся стая мгновенно вытягивала шеи, прислушивалась и оглядывалась. Но шорох больше не повторялся, птицы успокаивались и снова принимались за еду. Опять в ночной тишине слышался только тихий плеск погружающихся в воду тел. Стая торопилась насытиться, пока снующие кругом враги не открыли её убежища.

Казарка кормилась у самого берега, под защитой густых еловых лап. Тут она чувствовала себя в безопасности: если бы какой-нибудь хищник напал на уток, плавающих посреди открытого болота, она успела бы ускользнуть.

На дне болота лежали длинные цепкие водоросли. Скоро казарка почувствовала, что запуталась в них ногой. Она порывисто рванулась вперёд, но металлическое кольцо больно вонзилось ей в ногу. Крепкие водоросли зацепились за него. Казарке показалось, что она снова на привязи. В это время в чаще явственно хрустнул сучок. Казарка перестала двигать лапой и медленно повернулась всем телом к берегу.

Из мрака седой ели смотрели на неё в упор два мерцающих жёлтым огнём, немигающих глаза.

Казарка хотела вскрикнуть. Но судорога сдавила ей горло. Всё тело её оцепенело от ужаса. Стоит только пошевелинуться — и невидимое чудовище всей тяжестью обрушится на неё и раздавит.

Казарка уже не чувствовала боли от впившегося ей в ногу кольца. Она и не думала бежать. Не могла оторвать взгляда от этих пронизывающих её глаз.

Вдруг что-то резко толкнуло её в бок. На миг глаза казарки оторвались от тех глаз. Рядом с собой она увидела утку, задевшую её крылом. В ту же минуту спало с неё оцепенение. И казарка так сильно рванулась с

места, что лопнули водоросли, державшие её за ногу. С громким криком она бросилась бежать по воде, помогая себе крыльями. Встревоженные утки снялись с болота.

В то же время из чащи раздался злобный лай лисицы. Лай перешёл в визг, потом в ворчанье. Птицы слышали затихающий в лесу треск сучьев под ногами удалявшегося зверя. Лиса знала, что напуганная стая сядет теперь в середине болота и больше уж не удастся подстеречь птиц у берега.

Утки и казарка носились над водой. Они ещё не были сыты, и им не хотелось улетать отсюда.

Но кругом было много страшных врагов, прятавшихся в темноте.

«У-гуу!» — раздался вдруг зловещий голос из глубины леса. Плавно опускавшаяся к воде стая дружно замахала крыльями.

«У-гуу! У-гуу!» — слышалось в ответ с другой стороны.

Стая круто взмыла кверху и понеслась над лесом.

«У-гуу! У-гуу!» — теперь филины перекликались где-то внизу и не были уже страшны стае.

Светало. В деревнях просыпались люди.

Прошёл час ровного, неторопливого полёта. Лучи восходящего солнца, скользнув по розовым облакам, спустились книзу и заиграли на цветных крышах показавшегося вдали города.

Глава четвёртая

В это время сапсан уже догонял утиную стаю.

Не замедляя быстрого, как вихрь, полёта, он промчался над просыпавшимися деревнями. Домашние гуси при виде его в испуге кричали и шарахались под защиту навесов.

Сапсан мчался всё дальше и дальше. Внизу мелькали деревни, поля, рощи. Наконец он понёсся над большим еловым лесом. Стайки мелких птиц то тут, то там показывались над деревьями. Появление сокола мгновенно обращало их в бегство. Они врассыпную кидались вниз, вверх, в стороны — лишь бы оказаться подалеже от страшного хищника.

Но сапсан не обращал на них внимания: впереди его ждала крупная добыча. Он нёсся всё быстрее, быстрее.

Солнце ещё низко стояло над горизонтом, когда сапсан увидел вдали город.

Между тем казарка, не чуя настигающей её беды, замедлила полёт. Она с удивлением разглядывала с высоты развернувшийся под ней город.

Люди ещё спали в домах.

Город казался мёртвым. В разных направлениях его пересекали серокаменные перегородки, крытые бурокрасным железом. Разных размеров четырёхугольные и косые клетушки вплотную примыкали друг к другу. Длинные, прямые, узкие улицы между ними напоминали сухие русла канав. Посредине города сверкала река, сжатая прямыми гранитными берегами. Там, где она разбивалась на два рукава, по сторонам её высились две тонкие золотые иглы.

Расстояние между сапсаном и стаей, летевшей всё прежним неторопливым полётом, уменьшалось с каждой минутой. Но ни утки, ни казарка не замечали преследователя. Взгляд казарки остановился на круглой

золотой крыше громадного дома. Залитое ярким солнечным светом, золото слепило глаза.

Казарка видела, как из-под этой крыши вывернулась птица и быстро полетела вверх. Скоро можно было различить изогнутые серпом крылья сокола.

Тревожно крякнула одна из уток, и вся стая стала подниматься. Сокол мчался к ней почти по прямой линии. Теперь спасение зависело от того, сумеет ли стая

не дать соколу догнать её и набрать высоту для удара в спину.

Птицы молчали, напрягая все свои силы в этой воздушной борьбе. Так прошло несколько томительно долгих мгновений. Становилось уже трудно дышать в разреженном воздухе подоблачной высоты.

Казарка с ужасом замечала, что, несмотря на все её усилия, сокол становился всё лучше виден, всё приближался.

Кровь стучала у неё в голове. Сердце больно колотилось в груди.

Вдруг сокол перестал подниматься. На миг он неподвижно повис в воздухе, повернулся и внезапно стрелой метнулся в сторону.

Воспользовавшись этим счастливым для неё оборотом дела, стая дружно понеслась прямо вперёд. Одно мгновение казарка ещё видела под собой быстро мелькавшие крылья сокола. Ей показалось, что он мчится навстречу своему отражению в воде. Но в следующее мгновение сокол и его двойник пропали у неё из глаз.

Теперь казарка взглянула вперёд. Ликующий крик вырвался у неё из груди: прямо перед ней, искрясь в золотых лучах утреннего солнца, лежало море.

Там простирался Великий путь.

Когда сапсан заметил летящую высоко над городом казарку среди утиной стаи, он понёсся ещё быстрее. Ему некогда было теперь смотреть по сторонам: расстояние между ним и стаей уменьшалось с каждым взмахом его крыльев. Теперь надо было подняться выше, чтобы ударить казарку сверху.

Ни одна из птиц в стае не обернулась назад. Значит, они ещё не заметили его. Но отчего же они поднимаются всё выше и выше?

Сапсан глянул вниз. Там навстречу ему поднимался другой сокол. В следующий миг сапсан понял, почему устремились вверх утки: другой сокол тоже преследовал стаю, утки спасались от него.

Соперник тоже заметил сапсана. Он приостановился в своём полёте вверх, круто повернулся на месте и вдруг стремглав бросился наперерез сапсану.

Оба сокола были в эту минуту на одинаковой высоте.

Сапсан с самого восхода солнца без отдыха гнался за стаей и устал, но он был крупнее своего соперника.

Сокол, поднявшийся из города, казался меньше, но у него был свежий запас сил. С громким боевым криком — гхиак! гхиак! — он бросился на противника.

Услышав этот яростный крик, сапсан потерял всё своё мужество, повернулся и пустился наутёк.

Городской сокол с торжествующим криком помчался за сапсаном. Погоня продолжалась до тех пор, пока сапсан не вылетел за черту города. Тут его преследователь отстал и вернулся к себе домой, под золотой купол, где впервые его заметила казарка.

Здесь он жил среди шумного, людного города. Смелый до дерзости, как все соколы, он часто хватал голубя или галку над самой головой прохожих. Горожане даже не подозревали, что этот смелый хищник живёт рядом с ними в огромном городе. Многие из них видели, как стая голубей, испуганная внезапным появлением сокола, с шумом проносилась у них перед глазами. Но они не догадывались поглядеть вверх или просто не замечали ни внезапного смятения голубей, ни быстрого нападения хищника.

Встреча двух соколов спасла жизнь казарке. Сапсан, утомлённый головокружительным бегством, вынужден был опуститься в первой попавшейся ему за городом роще. Пока он отдыхал здесь, утиная стая долетела до моря и затерялась среди других странников Великого морского пути.

Глава пятая

Миша разложил перед собой большую карту, нашёл на ней город Витебск и подчёркнул карандашом.

Мысль о выпущенной на волю казарке не давала ему покоя.

«Ладно,— думал Миша.— Пусть она летит туда, где её поймали».

Он провёл прямую черту от Витебска до Финского залива, левее Ленинграда.

«Правда, оттуда её везли в закрытой корзинке. Ну, что ж, почтовых голубей тоже в закрытых корзинках возят. Находят же они всё-таки дорогу назад, в свою голубятню. А дальше?»

Миша задумался.

«Казарки, говорят, на самом севере гнездятся. Путь у них через Ладожское да Онежское озёра, дальше мелкими озёрами. И залетит куда-нибудь на Новую Землю. Кто её там поймает? Там и людей-то — раз, два и обчёлся. А если застрелит ненец-охотник,— разве он знает, что надо про кольцо в Москву заявить?»

— Батюшка-а! — закричал вдруг Миша во весь голос.— Знают ненцы, что о кольце надо в Москву заявить?

— Что такое? — отозвался отец из своей комнаты.— Какие немцы? Про какое кольцо?

— Да не немцы, а ненцы. Если нашу казарку охотник, какой-нибудь ненец на Новой Земле, застрелит,— догадается он про кольцо заявить?

— А, ты вот о чём! Что ж, очень возможно, что и заявит. Северные охотники — народ очень приметливый и любознательный. О птице с кольцом на ноге быстро разнесётся слух по всем становищам. Узнают, конечно, об этом и тамошние научные работники и дадут знать в Москву.

— Пожалуй, что и так,— согласился Миша.— Дель-

но было бы с Новой Земли известице получить: дескать, кланяется вам белолобая казарка.

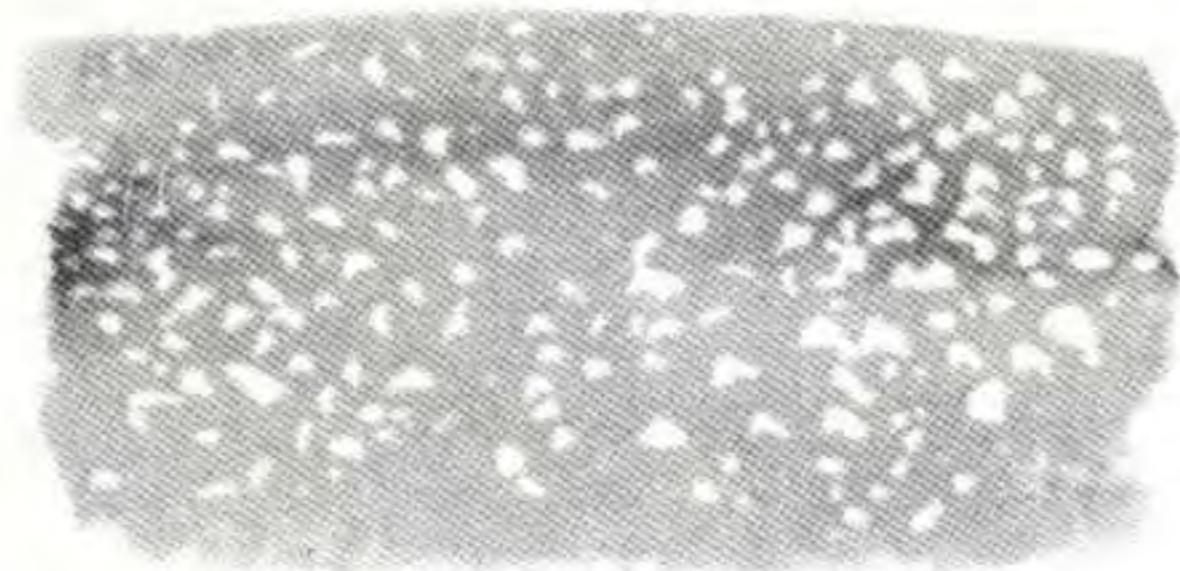
Миша поднял глаза от карты и задумчиво посмотрел в окно.

Тут глаза его разом расширились от испуга: за окном валил снег, бушевала настоящая метель. Миша думал:

«Ну, значит, конец теперь казарке. Зима вернулась. Куда птице деваться? Не прилетит же обратно в свою конуру?»

Миша пошёл к отцу и сказал ему о своих опасениях. Отец уверял, что ещё ничего не известно,— может быть, там, где теперь казарка, и нет никакой метели. Может быть, там прекрасная погода. Да, в конце концов, не все же птицы гибнут, когда в пути их застаёт буран. Что за чепуха такая—воображать себе всякие ужасы!

— Нет,—сказал Миша твёрдо,—я знаю: маху мы дали. Нельзя было так рано выпускать казарку. Надо было настоящего тепла дожждаться. Она у нас привыкла в тепле жить. Теперь погибнет от стужи.—И махнул рукой.

Глава шестая

Шум стоит на Великом морском пути весной и осенью.

Дважды в год проносятся по нему густые толпы крылатых странников. Дважды в год они облетают четверть земного шара вслед за лучами солнца. Одним своим концом Великий путь упёрся в сумрачный Северный Ледовитый океан, другим — потерялся в цветущих странах жаркого экватора.

Ранней весной горячие лучи солнца скользнут вниз по склону земного шара, борясь с мраком долгой северной зимы, ломая лёд и освобождая воды. Тогда бесчисленные стаи морских и прибрежных птиц поднимаются с тёплых озёр и морей южной Европы и Африки. Бесконечной вереницей, каждая в свой черёд, своим строем летят они вдоль берегов Африки и Пиренейского полуострова, Бискайским заливом, проливами, Северным и Балтийскими морями.

Постепенно часть стай начинает отставать, сворачивает с Великого пути и широко разлетается в стороны, расселяясь по окружным озёрам, рекам и топям. Но всё новые и новые стаи прибывают с юга. Там, где узкий Финский залив глубоко врезался в сушу, они поднимаются над лесом и летят почти непрерывной цепью озёр до холодного Белого моря и дальше, вдоль берега Ледовитого океана до Новой Земли. Тут последние стаи разбиваются на пары. Тут они строят гнёзда, выводят маленьких пушистых птенцов.

Они спешат, потому что на севере лето коротко. Едва их птенцы подрастут и выучатся летать, птицы снова собираются в стаи, чтобы лететь на юг.

Настаёт осень, и ещё более густые толпы крылатых странников покрывают собой Великий морской путь.

Долгий путь труден. Но беззаботная жизнь на юге быстро восстанавливает истощённые силы. Незаметно

проходит месяц за месяцем. Вдруг безотчётное волнение охватывает птиц. Им больше не сидится на месте.

Там, на их родине, началась весна.

И вот стая за стаей — первыми те, что прилетели последними, последними те, что прилетели первыми, — птицы снова отправляются в путь на далёкий север.

Лёд уже растаял на Финском заливе. Последние льдины, застряв на камнях и мелях близ берега, ещё белели среди серой глади моря. Они служили приютом для отдыха пролётных стай.

На одну из этих льдин и опустилась утомлённая казарка.

Она только что рассталась со своими спутницами — утками. Утки остались кормиться у берега, а она полетела разыскивать свою родную стаю.

Место это было ей хорошо знакомо: как раз тут прошлой осенью она отделилась от своей стаи, запуталась в рыболовной сети и попала в руки охотнику.

Но теперь диких гусей нигде кругом не было видно.

Был полдень — время отдыха в пути. Лишь изредка проносилась вдали одиночная стая спешивших на кормёжку птиц.

Над льдиной летали взад и вперёд чайки. То одна, то другая из них, подняв прямо над спиной крылья, падала в волны. Искры светлых брызг на мгновение скрывали от глаз белую птицу. Через миг она снова махала крыльями в воздухе, быстро поднимаясь от воды. В её клюве блестела серебряная рыбка.

На чаек казарка не обращала никакого внимания. Она всматривалась в серую рябь волн. У самой льдины и дальше в море то показывались, то исчезали в воде ловившие рыбу нырки. Чаще всего попадались на глаза белогрудые гоголи, большие чёрные турпаны с белой перевязкой на крыле и пёстрые длиннохвостые морянки.

Вот очень далеко от себя, между льдиной и берегом, казарка заметила двух больших птиц. Ей показалось, что это гуси. Вода блестела в солнечных лучах, как сталь; глаза уставали всматриваться вдаль.

Казарка сейчас же опустилась на воду и поплыла к этим птицам. Волны поднимались у неё перед глазами и мешали смотреть вдоль по поверхности моря.

Так прошло несколько минут. Наконец она снова увидела их, уже в стороне от того места, где высмотрела их со льдины. В ту же минуту обе птицы опустили головы и быстро погрузились в воду. Казарка заме-

тила резкие белые полосы на спине одной из них, её острый, совсем не похожий на гусиный клюв.

Она сразу узнала в них больших морских птиц — гагар.

Казарка была теперь недалеко от берега. Тут стали ей попадаться разные утки.

Мелкие заливчики берега были полны илом. Утки находили в нём обильную пищу.

Разные породы их держались отдельными группами, то приближаясь, то отдаляясь друг от друга. Только маленькие бойкие чирята сновали между ними, приставая к разным стаям.

Здесь были разноцветные рыжеголовые свиязи и шилохвосты, вся спина которых испещрена тончайшими волнистыми полосками, а длинный остный хвост действительно напоминает шило, и кряковые — такие же самые, как те, в стае которых прилетела сюда казарка. Может быть, даже тут были и её недавние спутницы: кряковых уток было так много и все они были так похожи друг на друга, что казарка не сумела бы различить среди них своих знакомых.

С плеском и кряканьем птицы спешили насытиться, чтобы вечером с новыми силами пуститься в путь. Над самой водой поблёскивали на их крыльях разноцветные перья, словно маленькие зеркала. У кряковых зеркала отливали фиолетовым, у шилохвостей — серым, у связей и чирков — зелёным.

Это было красивое зрелище. Особенно хороши были селезни в своих ярких весенних нарядах. Но казарке было не до них. Чувство одиночества всё больше и больше охватывало её: гусей и тут нигде не было.

Голод мучил её. Она стала доставать корм со дна, плавая среди утиных стай.

Прошло много времени, пока она наелась досыта. В первый раз с тех пор, как она очутилась на свободе, она почувствовала себя сытой и отдохнувшей.

Полуденный отдых на Великом пути кончился.

Над морем всё чаще стали показываться летящие на север стаи. Воздух наполнялся шумом, свистом и хлопанием крыльев.

Где-то за лесом громко курлыкали журавли.

С моря доносился многоголосый крик большой стаи гоголей и протяжные стоны чаек.

Казарка с новыми силами поплыла в море разыскивать свою стаю.

* * *

Вечер застал по-прежнему одинокую казарку снова на льдине среди моря.

Теперь над самой головой казарки и вдали ежеминутно проносилась стая за стаей.

Но напрасно среди них она искала глазами свою родную стаю. Гуси всё ещё не показывались.

Солнце уже опускалось в море. Погода начинала портиться. По небу медленно ползла вверх большая чёрная туча. Над водой проносились лёгкие серые облачка тумана. Они всё чаще окутывали льдину, обдавая казарку сыростью.

С той стороны, куда летели пролётные стаи, прозвучали громкие трубные клики лебедей. Через минуту опять повторился их клик.

Три огромные белые птицы, отливая серебром, медленно махая тяжёлыми крыльями, плавно скользили по воздуху. Их прямые длинные шеи вытянуты далеко вперёд.

Лебеди возвращались. Это не предвещало ничего хорошего.

Большая льдина, где сидела казарка, привлекла внимание лебедей. Широкими плавными кругами, всё так же медленно двигая крыльями, они опустились к самой воде. Наконец тяжеломерно сели на воду и некоторое

время плыли вперёд, не в силах сразу остановиться.

Теперь шеи их были высоко подняты. С гордым и величественным видом они спокойно оглядывали море. Потом, ломая обтаявший с края лёд, один за другим поднялись на льдину.

Туман всё сгущался. Больше не видно было стай, летящих на север.

Беспорядочные густые толпы уток возвращались назад вслед за лебедями. Долетев до льдины, они с шумом усаживались вокруг неё на воду.

Там, впереди на морском пути, случилось несчастье: туман опустился непроницаемой стеной. Окружённые густой серой мглой, птицы сбивались с пути и гибли целыми стаями, разбиваясь о серые скалы. Те, что ещё не заблудились, спешили вернуться назад.

Казарка не знала, что и её родная стая была там, впереди. Она долго ещё сидела, напряжённо вглядываясь в сгущающуюся тьму, и напрягала слух в надежде услышать знакомые голоса.

Вернувшиеся стаи устраивались на ночлег. Наконец и глаза казарки стали смыкаться. Она подвернула голову под верхние перья крыла и заснула.

Глава седьмая

Казарка спала крепко. Сквозь сон она слышала только неясный гул птичьих голосов и плеск волн о льдину.

Во сне она забыла своё одиночество. Ей казалось, что она среди своей родной стаи. Ей даже слышался кругом громкий говор гусиного табуна.

Вдруг сильный толчок в плечо заставил её прийти в себя. Она быстро высвободила голову из-под крыла и раскрыла глаза. В первую минуту она ничего не видела. Кругом была чёрная мгла, липкий туман. Шум волн мешал различать голоса.

Новый толчок — теперь прямо в грудь — чуть не свалил её с ног. В это время у самой головы её раздалось громкое шипенье.

«Гонк!» — изо всей силы крикнула казарка.

Спереди, сзади, со всех сторон вокруг неё из тьмы раздались такие же голоса.

«Го-го-го-гонк-гонк-гонк», — гоготали гуси.

Это был уже не сон. Она действительно была среди своей стаи, опустившейся на льдину, пока она спала. Её стая нашла в тумане дорогу назад.

Старый гусь-вожак наткнулся в темноте на казарку и ударами клюва хотел прогнать её со льдины. Но, как только она подала голос, он узнал её и отошёл в сторону.

Приглядевшись, казарка увидела за ним тесно сгрудившийся табун и поспешно шагнула вперёд.

Табун расступился и опять сомкнулся за её спиной.

К утру туман стал редеть. Свежий бриз гнал по морю его разорванные клочья.

Табун белолобых гусей всё ещё сидел на льдине.

В это утро на всём Великом пути не было птицы счастливее казарки.

Она беззаботно плавала у края льдины и, красиво изгибая шею, оправляла клювом перья у себя на груди. Рядом с ней плавал её гусь-казанок.

Это была дружная пара. Три года они прожили вместе и ни разу не разлучались до того дня, когда казарка попала в неволю к людям.

Теперь счастливый случай помог им снова найти друг друга.

Когда казарке надоело плавать, она вылезла на льдину. Тут, при ярком свете выглянувшего из моря солнца, казанок увидел на её ноге широкое белое кольцо.

Он сейчас же принялся теребить его, стараясь освободить подругу от этой ненужной вещи. Но он ничего не мог поделаться с крепким металлом. Острые края кольца только ранили ему клюв и причиняли боль казарке.

В это время вожак затрубил сбор.

Гуси сейчас же собрались в кучу и затихли.

Вожак повторил крик, медленно расправил крылья и грузно поднялся на воздух. Табун последовал за ним, на лету выстраиваясь тупым углом.

Вожак летел впереди, мерно рассекая воздух крыльями; за ним тянулись другие старые гуси. Молодёжь летела в хвосте стаи.

Долетев до берега, табун поднялся повыше. Под ним был лес. Гуси спокойно озирали его с высоты и неторопливо переговаривались.

Когда вожак устал, он опустился ниже и, пропустив вперёд над своей головой стаю, полетел в хвосте её. Его место занял другой старый гусь. Таким образом, строй стаи не был нарушен.

Казарка, летевшая позади своего гуся-казанка в середине угла, заметила сапсана, сидевшего на вершине сухого дерева на опушке леса. Видел его и вожак.

Но грозный хищник на этот раз не испугал казарку.

Вожак не ускорил полёта и не подал тревожного сигнала.

За лесом показалась деревня.

Вожак загоготал, и табун поднялся выше.

Над крышами вился лёгкий дымок. Посреди улицы шёл человек. Казарка узнала в нём охотника, который вытащил её из сети осенью прошлого года.

Услышав гогот у себя над головой, охотник высоко поднял голову, прикрыл рукой глаза от солнца и долго смотрел вслед улетающим гусям. Он видел, как, миновав околицу, табун стал снижаться, опускаясь на поля.

Тогда охотник потёр себе рукой уставшую от напряжения шею, повернул назад и поспешно скрылся в одной из изб на краю деревни.

Табун опустился за околицей на озимое поле. Гуси широко разбрелись во все стороны. Они щипали молодые зелёные всходы. Только две старые птицы из всего табуна оставались неподвижными. Они стояли, вытянув шеи, по краям стаи и поминутно озирались.

Казарка и гусь-казанок щипали озимые далеко от сторожевых гусей. Но лишь только раздалось тихое предостерегающее «го-го-го-го», оба они, как и все другие гуси, забыли про голод и насторожились.

Кругом они не заметили ничего подозрительного. Правда, со стороны деревни медленно брела к ним лошадь. Она, видно, сорвалась с привязи: на шее у неё болталась верёвка. Но лошадей гуси не боятся, если с ними нет человека.

Людей поблизости не было. Казарка снова принялась за еду. Успокоились и все остальные.

Сторожевой гусь загоготал громче. Казарка видела, что он смотрит на приближающуюся лошадь, но никак не могла понять, почему она его беспокоит. На этот раз гуси со всех сторон стали собираться в кучу. Табун сгрудился, и все птицы смотрели на лошадь. Теперь и казарка почувствовала смутное беспокойство. Чем боль-

ше она смотрела на лошадь, тем сильнее её охватывало удивление: ей казалось, что у этой лошади что-то слишком много ног. От этого становилось страшно. Наконец один из сторожевых гусей молча снялся с земли и полетел к странному животному, описывая в воздухе широкую дугу вокруг него.

Стае недолго пришлось ждать его возвращения с разведки. Не долетев и половину расстояния до лошади, гусь быстро повернул назад и криком подал сигнал к бегству.

Табун загоготал, захлопал крыльями и полетел за вожакom, поспешно выстраиваясь на лету.

Охотник, скрывавшийся за лошадью, отскочил в сторону и прицелился. Вдогонку улетающему табуну прогремел выстрел. Но птицы были вовремя предупреждены. Они были уже далеко.

Раздосадованный охотник потряс кулаком и прокричал им вслед:

— Не уйдёте всё равно! Приманю дворняжкой!

Глава восьмая

Была ночь, когда охотник вышел из лесу на берег моря. Из-за плеча его высовывался длинный ствол ружья, а у ног бежала маленькая кудлатая дворняжка.

Охотник огляделся. В редеющем сумраке был виден песчаный берег, далёкой косою уходящий в море. Вблизи спокойно поблёскивала мелкая вода заливчика. На некотором расстоянии от берега тянулась широкая и длинная заросль сухого, прошлогоднего тростника. Пахло тиной.

Охотник быстро зашагал по песчаной косе. Дворняжка бросилась за ним.

В тростнике тревожно закричали испуганные шумом шагов утки и засвистели невидимыми крыльями. Охотник не обратил на них внимания. Он не за ними явился сюда.

Дойдя до самого края косы, он остановился, снял ружьё с плеча и отвязал у пояса мешочек с хлебом. Бросил на песок мешочек и бережно опустил на него ружьё. Дворняжка сейчас же уселась сторожить вещи.

Отыскав поблизости обломок доски, охотник быстро

разгрёб им вокруг себя песок, вырыл неглубокую яму и окружил её песчаным валом. Потом собрал кучу выброшенного морем мусора, палок и сучьев, сухого тростника. Всё это он воткнул частым заборчиком в песчаный вал, покрыл с боков и сверху кусками сухой тины и засыпал песком, оставив с одной стороны лазейку, а с других трёх сторон — маленькие отверстия для ружья. Скрадок был готов.

Забрав с собой ружьё и узелок, охотник на четвереньках влез в свою засаду и свистнул к себе дворняжку. Теперь на конце песчаной косы самый зоркий глаз не мог бы обнаружить ни человека, ни собаки.

Между тем стало быстро рассветать. Лёжа в скрадке, охотник видел, как нижний край длинного белого облака низко над морем зажётся золотом, потом стал розоветь, краснеть и наконец вспыхнул ярким пурпуром. Ещё через несколько минут над спокойной гладью моря, под самым облаком показалась ослепительно красная верхушка солнечного круга. Свежий бриз потянул с берега и зашуршал сухим тростником.

С моря донёсся пронзительный вопль чаек.

Большие стаи птиц то и дело с шумом проносились вдали.

Лёжа на животе в своём скрадке, охотник мог видеть только впереди себя. Поэтому он не заметил, как сзади него из лесу вылетел сапсан. Острые крылья сокола мелькнули в воздухе и сейчас же скрылись в ветвях сосны, одиноко стоявшей на песчаной косе.

Пернатый охотник тоже уселся в засаду подстергать свою добычу.

Скоро стая каких-то больших птиц опустилась на белую льдину далеко от берега.

В скрадке на косе послышалась возня, и сейчас же из лазейки выскочила кудлатая дворняжка. Она уселась было на песок, но из скрадка полетел мимо её носа кусочек чёрного хлеба. Дворняжка бросилась за ним.

Едва успела она схватить и проглотить его, как новый кусок хлеба вылетел из засады и упал на песок в нескольких шагах от неё. Дворняжка опять побежала подбирать его.

Чёрные шарики хлеба, летевшие из скрадка, нельзя было разглядеть издали. Поэтому птицам, наблюдавшим за собакой с моря, казалось непонятным, почему она бежит по песку из стороны в сторону.

Одна из птиц, сидевших на льдине, опустилась на воду и поплыла к берегу. Она всё время поворачивала голову, с любопытством следя за бегающей дворняжкой.

Скоро с берега можно было различить серый цвет оперенья птицы, приподнятый хвост и вытянутую шею.

Кусочки хлеба не переставали лететь из скрадка в разные стороны, и голодная дворняжка по-прежнему бегала за ними по берегу. В одно из отверстий скрадка осторожно просунулся конец ружейного ствола. Но птица не заметила этого, потому что всё её внимание было поглощено собакой. Конец ружья медленно направился прямо в грудь птицы.

В эту минуту она была далеко от охотника, но он уже видел ярко-белый полумесяц у неё на лбу. Это была казарка. Любопытство заставило осторожную птицу забыть опасность. Казарка всё дальше и дальше уплывала от стаи навстречу своей гибели. Её гусь-казанок спал в это время на льдине.

Конец ружья стал поворачиваться, всё время оставаясь направленным на неё. Солнечные лучи ярко заиграли на гладкой поверхности стали. Этот подозрительный блеск бросился в глаза казарке.

Страх пересилил в ней любопытство. Она сейчас же снялась с воды и полетела назад, к стае.

Охотник громко выругался с досады. Дичь опять ускользнула у него из рук: казарка была вне выстрела.

В ту же минуту сапсан бросился на неё из своей засады.

Он догнал её в несколько секунд и вихрем промчался вплотную над её спиной.

Казарке показалось, что её разрезали пополам. Проносясь над ней, сапсан царапнул её острыми когтями своих задних пальцев, разрезав кожу на спине, как ножами.

От боли и ужаса свет померк в глазах у казарки. Падая, она широко раскинула крылья и вытянула шею.

Сапсан уже вернулся и выпустил все когти, чтобы подхватить её ещё в воздухе.

В этот миг на берегу блеснул огонь, грохнул оглушительный выстрел. Дробь на излёте забулькала в воду близ птиц. Сапсан взмыл и быстро исчез вдали. Казарка безжизненно упала в воду. Пятясь задом, вылез из скрадка охотник. Он торопливо стащил с себя сапоги, портянки, брюки. Оставшись в одной рубахе, он побежал к морю.

Ледяная вода обожгла ему ноги, но он быстро прошёл по ней сотню шагов, отделявших его от истекавшей кровью казарки.

Когда охотник подошёл к ней, она лежала на воде без движения. Вся спина её была в крови. Охотник схватил казарку за крыло, потащил на берег и бросил её перед заливавшейся радостным лаем собачонкой.

Охота была кончена. Родная стая казарки, отдыхавшая на льдине, улетела, испугнутая выстрелом.

Теперь она была уже далеко впереди на Великом пути.

Глава девятая

— Ну, пёс, стереги добро, а я в лес сбегаю за хвостом,— говорил охотник дворняжке.— Замёрз в воде. Разведём костёр, погреемся.

Натянув сапоги, охотник протянул руку за казаркой, чтобы положить её к ружью, около которого сидела собака.

Тут взгляд его упал на кольцо, белевшее у птицы на лапе.

— Гляди-ка, гусь-то меченый!— удивлённо сказал он, разглядывая кольцо.— А на кольце буквы и цифры проставлены.

— Вот оказия!— прибавил он после минуты раздумья, растерянно глядя на дворняжку.— Как же теперь быть? На деревне узнают, а там и хозяин объявится. Скажет: моего гуся убил, домашнего. Плати, скажет, мне за него денежки! Нет, постой, этак не годится. Кольцо я с него сниму и в море заброшу, чтобы, значит, концы в воду. А без кольца-то его и хозяин не признает: как есть дикий гусь. Прошлого года осенью я такого же белолобого здесь у берега из рыбацкой сети вытащил. Хорошую цену за него в Ленинграде дали!

Охотник задумался.

— Спешить некуда!— решил он наконец.— Наперво согреюсь, а там и порешу, как быть.

Охотник положил казарку рядом с ружьём и узелком, позвал дворняжку и ещё раз приказал ей хорошенько сторожить добро.

— Да цыц!— прибавил он уходя.— Не вздумай дичи отведать!

Собака, привыкшая стеречь имущество хозяина, усе-лась перед вещами.

Узелок соблазнительно пахнул хлебом, а птица— дичинкой. Но тронуть лакомые кусочки нельзя было. Надо было терпеливо ждать, пока вернётся хозяин. Он

не забудет её покормить: он сегодня весёлый. Ей, верно, достанется хороший кус.

Дворняжка даже зажмурилась от удовольствия в предчувствии награды за терпение.

Раздался шорох с того места, где лежали вещи. Дворняжка открыла глаза и остолбенела от изумления: в трёх шагах от неё стояла ожившая казарка.

Один миг птица и собака безмолвно смотрели друг на друга. Потом дворняжка тьякнула и храбро бросилась на казарку. Защищаясь, казарка ударила собаку сгибом крыла. Удар был так силён и так ловко пришёлся в самый кончик чувствительного носа животного, что дворняжка свалилась с ног.

От неожиданной боли она лишилась сознания. Ка-

зарка тоже свалилась набок, не рассчитав силы своего удара. Но тотчас же поднялась на ноги и быстро заковыляла к воде.

Рана от когтей сапсана не была смертельна. Но, когда казарка увидела подходившего к ней по морю человека, она была так слаба от потери крови, что не могла ни взлететь, ни нырнуть под воду. Ей не оставалось ничего другого, как притвориться мёртвой. К этому спасительному приёму прибегают дикие гуси, когда у них нет другого способа избежать гибели.

Хитрая уловка удалась вполне. Вообразив, что птица уже мертва, охотник не стал её добивать. Силы вернулись к казарке, пока она лежала на песке.

Теперь удачный удар крылом открыл ей путь к свободе. Добежав до берега, она бросилась в воду и скоро исчезла в густой заросли тростника.

Охотник вернулся к скрадку с целой охапкой хвоста.

Собака не поднялась ему навстречу. Он толкнул её ногой, подумав, что она заснула.

Маленькая дворняжка неуверенно встала на ноги, постояла, качаясь из стороны в сторону, и вдруг завывала тонко и жалобно.

— Ты чего? — удивился охотник. — Рехнулась, что ли?

Тут он взглянул на свои вещи и заметил, что рядом с ружьём не было казарки. Не было её и нигде поблизости на ровном песке.

— А где гусь?! — грозно закричал он на собачонку.

Но та только виновато замахала хвостом и ещё жалобнее завывала.

— Цыц, ты, проклятая! — кричал охотник. — Что воешь, как над покойником?

А уж у самого мурашки от страха побежали по телу. Самые дикие мысли полезли ему в голову:

«Гусь не простой был, с кольцом... Исчез неведомо как и куда. Собака чуть не сдохла...»

Он поспешно схватил ружьё и узелок и быстро зашагал к лесу. Дворняжка, поджав хвост, поплелась за ним.

Притаившаяся в тростниках казарка видела, как её враги скрылись за деревьями. С моря до неё донёсся отдалённый призывный крик. Она узнала голос гуся-казанка.

Крик повторился ближе. Казарка хотела полететь навстречу казанку, но ослабевшие крылья не подняли её на воздух. Из груди вырвался крик боли и отчаяния. Силы её были окончательно истощены!

Из-за песчаной косы раздался ответный гогот. Скоро над берегом показался гусь-казанок. Он отстал от стаи, чтобы разыскать свою исчезнувшую подружку.

Он опять закричал звонко и радостно, но ответа не получил.

Сделав широкий круг над тростником, он крикнул ещё и ещё раз.

Ответа всё не было.

Тогда он отлетел в море и там опустился на воду. Он не хотел догонять стаю один, без своей подружки.

Глава десятая

Шли дни за днями. Птицы быстро пролетали Великим морским путём. Сапсан давно улетел на север. Он тоже теперь держался Великого пути и тут никогда не оставался без пищи.

Родная стая казарки уже прибыла к себе на родину. Одной только пары не доставало в табуне.

В заливчике за песчаной косой, где эта пара отстала от него, зазеленел тростник. Давно уплыли, растаяли в море последние льдины. Берег покрылся свежей травой, деревья на берегу окутались лёгким зеленоватым туманцем.

Заливчик служил прибежищем для отдыха многочисленных пролётных птиц. Тут, словно в гостеприимной харчевне на краю большой дороги, усталые воздушные путники отдыхали и подкрепляли свои силы едой.

Пролетели последние стаи лебедей и гусей. Утки тоже редко стали показываться в заливчике.

Теперь на смену им в морскую харчевню всё чаще начали заглядывать другие гости: прилетали длинноногие и длинноносые кулики.

Они тянулись над берегом моря. Полёт их часто прерывался остановками в таких обильных пищей и безопасных убежищах.

Но в этом заливчике они долго не задерживались. На то была своя причина.

Большой морской орёл-белохвост каждое утро показывался здесь из лесу. Редко-редко взмахивая крыльями, он спокойно проплывал в вышине над заливчиком, удаляясь в открытое море.

Там, на большой глубине, белохвост ловил крупную рыбу. Птиц он редко трогал.

Однако все морские птицы хорошо знали, что он не пропустит случая схватить себе на завтрак одну из них,

если вовремя не заметить его приближения. Поэтому, едва только белохвост показывался вдали, они разлетались во все стороны.

Поймав рыбу, орёл летел обратно в лес, где у него было гнездо, бросал добычу самке, высиживавшей яйца, и снова отправлялся на море.

Так летал он взад и вперёд одним и тем же путём по несколько раз в день. И каждый раз при его появлении стаи куликов спешили покинуть заливчик.

Но не один белохвост нарушал их мирный отдых. Часто из заросли тростников неожиданно появлялась большая серая птица. Она шумно бросалась в воду и плыла к берегу.

Уже напуганные орлом длинноносые птицы взлетали с тины, и воздух оглашался их тревожным пискom. Скоро, однако, они узнавали в страшной большой птице мирного белолобого гуся. Их страх проходил, они снова опускались на тину и бегали по ней, покачиваясь всем телом на своих высоких тонких ножках.

Гусь-казанок, против воли пугавший их одним своим видом, принимался плавать по мелкой воде заливчика. Он тоже находил здесь много вкусной пищи.

Наевшись досыта, он направлялся обратно в тростники, где ждала его выздоравливавшая от ран казарка. Он разыскал её в тростниках к вечеру того дня, когда она спряталась там от охотника и его дворняжки. С тех пор он никуда не удалялся от неё.

Двум таким заметным птицам, как казарка и казанок, было небезопасно жить в тростниках. Но одно крыло казарки было повреждено соколом; она всё ещё не могла летать и была очень слаба. Поэтому её верно-му казанку приходилось делить с ней опасность попасться на глаза белохвосту, когда он пролетал над заливом.

Наконец настал день, когда казарка решилась поки-

нуть в сопровождении казанка своё убежище, чтобы покормиться травкой на берегу заливчика.

В этот день там было особенно много разных куликов. Вся тина у берега была испещрена крестиками следов их тонких прямых пальцев.

В траве на берегу важно расхаживали на высоких ногах-ходулях большие серпоклювые кроншнепы. У воды по жёлтому песку быстро и незаметно перебежали желтоватые зуйки с чёрным галстучком на шее, сидели красноносые и красноногие пёстрые кулики-сороки. По тонкому слою тины, поминутно втыкая в неё до самого лба свои слабые клювики, хлопотливо сновали взад и вперёд лёгкие кулички-воробьи и чернозобики.

Но гуси недолго оставались в их обществе. Как только казарка насытилась, казанок поплыл к берегу. Он поминутно оглядывался на свою подругу и звал её за собой тихим гоготаньем. Казарка поплыла за ним. Скоро оба вылезли на берег, прошли по нему отделявшее их от леса расстояние и скрылись за деревьями.

С этого дня гуси не показывались больше в заливчике.

Перелёт на Великом морском пути кончался.

Кулики пролетали всё более малочисленными стайками и наконец совсем перестали показываться на берегу.

Последним прибыл в заливчик коростель.

Коростель не любит летать. Да ему и незачем подниматься на крылья и подвергать себя опасности в воздухе. Он умеет быстро бегать, ловко скрываться.

Его тело сильно сжато с боков, ноги далеко отставлены назад, и это помогает коростелю проскальзывать

между стеблями травы, не задевая их. Величиной он с перепёлку.

Зимовал коростель в Африке. Прошло много времени, пока от места своей зимовки он добрался до Финского залива. И в путь он отправился поздно. Другие птицы, зимовавшие в тех краях, давно уже собрались в дорогу.

Утки, гуси, кулики стая за стаей пролетали у него над головой. Но коростель не спешил: у него на родине ещё не пробилась молодая трава, и ему пока негде было там скрываться от зорких глаз хищников.

Но вот отлетели последние стаи куликов. Ночью двинулся в путь коростель. Шёл он пешком¹.

Через несколько дней дорогу ему пересекла широкая гладь Гибралтарского пролива. Но это не могло смутить путешественника.

Под покровом темноты он быстро перелетел воду и, опустившись на другом берегу, без передышки продолжал свой путь.

Шёл он к себе на родину самой прямой дорогой, известной только ему одному.

Впереди него морским путём летели утки, лебеди и гуси, чайки и гагары; стаи куликов придерживались берега.

А коростель шагал и шагал в одиночестве по земле напрямик, прибегая к помощи крыльев лишь там, где это было ему необходимо.

Шёл он очень быстро. Ради безопасности он днём отдыхал и кормился, а по ночам под прикрытием темноты, травы и кустов бежал вперёд.

Был уже конец мая, когда он добежал до заросшего тростником заливчика, недавно служившего убежищем казарки.

¹ Теперь учёные-орнитологи считают, что коростель большую часть пути летит.

Ночь убывала.

Пора было усталому пешеходу подумать об отдыхе в безопасном месте.

В открытом заливе ему нечего было делать. Коростель отправился искать себе приют в полях за лесом.

Миновав околицу деревни, где жил охотник, дважды ловивший казарку, он побежал по озимым, выбирая места, где уже подросший хлеб был погуще.

Вдруг он выскочил на открытое место среди поля. Молодые всходы были тут примяты и выщипаны парой белолобых гусей. Гуси не заметили его внезапного появления.

Он сейчас же юркнул обратно в траву и стал в ней устраиваться на ночлег.

Через несколько минут он увидел, как гуси поднялись с поля и, забирая всё выше и выше, полетели на север.

Это были казарка и гусь-казанок.

Казанок привёл сюда свою подругу из заливчика, и они жили здесь последние дни. Хороший корм быстро восстановил силы казарки. Больная спина и крыло её совсем зажили.

Теперь дружная пара могла решиться пролететь вдвоём оставшуюся до их родины часть Великого пути.

Заключение

Прошло полгода с тех пор, как Миша расстался с казаркой. На улицах Витебска лежал снег.

И опять Мише вспомнилась казарка такой, какой она встретила его с отцом, когда они пришли освободить её... Он видел перед собой ярко-белый полумесяц у неё на лбу, блестящий взгляд и настороженно-воинственную позу. И опять ему подумалось: «Неужели она не долетела к себе на родину?»

В прихожей позвонили. Мишин отец прошёл из своей комнаты отворить дверь. Через минуту он позвал сына к себе в кабинет.

— Читай вслух,— сказал отец и протянул Мише только что полученное письмо.

Миша разорвал конверт, развернул сложенный вчетверо лист почтовой бумаги и прочёл:

«Орнитологический комитет. 22 октября 19... года.

Считаем своим приятным долгом поделиться с Вами только что полученными нами сведениями об интересующей Вас бело-лобой казарке, отмеченной Вами кольцом № 109, серия «С».

Сельский учитель села Прибрежного, расположенного на восточном берегу Белого моря, в 50 километрах от города Архангельска, любезно сообщает нам следующие свои любопытные наблюдения.

В начале истекшего лета он бродил по берегу моря со своей охотничьей собакой. Собака у него на глазах подняла из травы коростеля. Никогда прежде учитель не встречал эту редкую в тех краях птицу. Увидев, что коростель, едва взлетев над травой, сейчас же снова опустился в неё, учитель задался целью выгнать оттуда птицу с помощью собаки. Но коростель, по своему обыкновению, стал спасаться пешком.

После долгого безрезультатного преследования собака, бежавшая по следам коростеля, привела учителя к голой скале на берегу моря.

Со скалы бросился на собаку сапсан, а коростель, воспользовавшись её замешательством при этом, куда-то ускользнул.

Удивлённый неожиданным появлением яростно кидавшегося на собаку сокола, учитель осмотрел скалу и заметил в ней гнездо сапсана на высоте всего метров четырёх над землёй. Подойти к гнезду он не решился, потому что смелый хищник готов был, казалось, вцепиться в лицо человеку своими страшными когтями. Учитель хотел было отойти, как вдруг у себя под ногами увидел сидящую на гнезде белолобую казарку. Быстро скинув с себя куртку, он набросил её на голову птице.

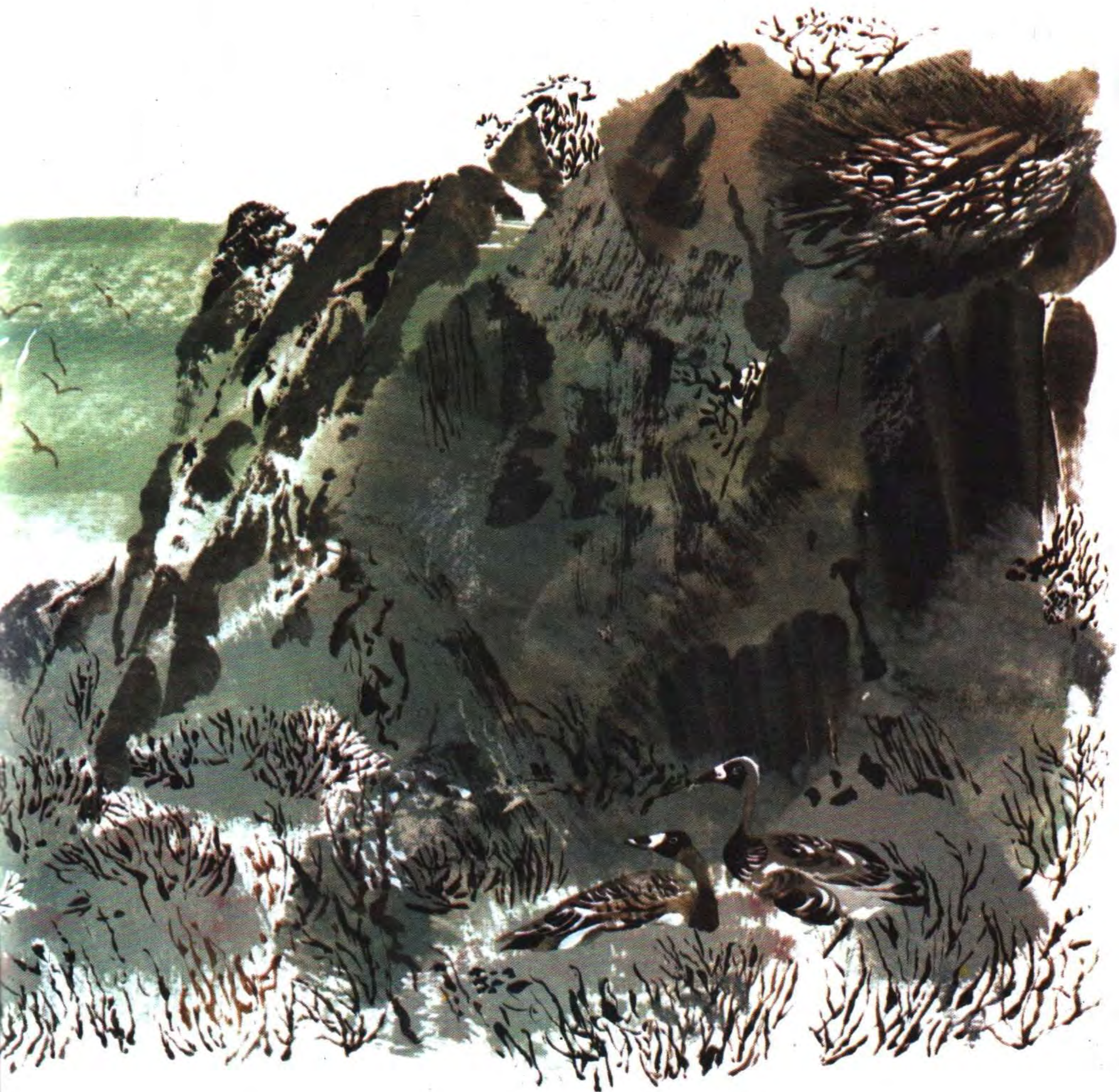
Таким образом ему удалось поймать казарку. С нею в руках он благополучно покинул опасное место.

На ноге казарки учитель обнаружил надетое Вами кольцо. Записав его номер, он выпустил птицу на свободу.

Потом учитель часто приходил наблюдать за казаркой издалека, пока она не вывела птенцов и не удалилась с ними из-под скалы в ближайшее болото.

Учёные не раз находили гнёзда казарок рядом с гнёздами

сапсанов. Под охраной смелых соколов казарки чувствовали себя в безопасности от врагов.

Однако для науки до сих пор остаётся загадкой, почему эти свирепые хищники не трогают в течение всего времени вывода птенцов своих доверчивых, но беззащитных соседей.

Во всяком случае, Ваша казарка в этом году благополучно вывела птенцов. Будем надеяться, что когда-нибудь она снова попадёт в руки людям, и тот, кто её поймает, расскажет нам о её дальнейшей судьбе.

За председателя...»

Подписи Миша не разобрал.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступление Н. Сладкова</i>	4
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	19
Глава четвёртая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	35
Глава седьмая	45
Глава восьмая	52
Глава девятая	60
Глава десятая	66
<i>Заключение</i>	75

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Виталий Валентинович Бианки
НА ВЕЛИКОМ МОРСКОМ ПУТИ

Художник Н. Чарушин

Редактор **Н. Сендерова**
Художественный редактор **Д. Пчёлкина**
Технический редактор **О. Кистерская**
Корректор **Н. Пьянкова**

ИБ № 1825

Сдано в набор 30.11.84. Подписано в печать 23.10.85.
60×90/8. Бумага офс. № 1. Гарнитура Балтика. Печать офсет.
Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-отт. 43,0. Уч.-изд. л. 7,75. Тираж
100 000 экз. Изд. № 1407. Заказ № 167. Цена 1 руб. 30 коп.
Издательство «Малыш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполи-
графпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект
50-летия Октября, 46.

Б $\frac{4803010102-097}{M102(03)-85}$ 97—85

© илл. Издательство «Малыш» 1985

1 руб. 30 коп.

